

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

2

МОСКВА 1964

VI Šmilauer. Úvod do toponomastiky (nauky o vlastních jménech zeměpisných).

- Státní pedagogické nakladatelství, Praha, 1963. 219 стр.

Книга известного чешского топономаста В. Шмилауэра является практически первым у славян пособием по топонимике. В ней обобщен собственный богатый исследовательский и преподавательский опыт автора, а также обширная топонимическая литература, в основном славянские, немецкие, скандинавские и французские работы.

Опираясь прежде всего на чешский топонимический материал, В. Шмилауэр им не ограничивается и вместе с тем не стремится дать систематическое описание этого материала. Как подчеркнуто в предисловии, автор рассматривает преимущественно принципиальные и методические вопросы (стр. 4), что для «Введения в топонимику» представляется вполне разумным и целесообразным.

В шести разделах работы топонимическая проблематика распределена следующим образом: 1) вводные замечания, 2) материал, 3) языковая сторона, 4) вещественная сторона, 5) жизнь имен, 6) опасности и значение топонимики. Такое построение в известной мере обусловлено тем, что пособие В. Шмилауэра рассчитано не только на лингвистов, но и на историков и географов — на всех, кто заинтересован в изучении собственных географических названий.

Первый раздел работы содержит сведения о структуре топонимики и о топонимических конгрессах, организациях, архивах, изданиях, литературе и под. В. Шмилауэр науку о географических названиях последовательно обозначает термином «топонимика», лишь упоминая о существовании параллельных имен «топонимия»), «топонимика», «топониматология» и др. Избранный автором термин своей формой указывает, что наука о географических именах является, наряду с антропонимикой и др. разделами,

частью ономастики — науки о всех собственных именах, и устраняет омонимичность имени науки и совокупности топонимических названий. Поэтому он, как представляется, удобнее бытующего у большинства советских исследователей термина «топонимика» (ср. «принципы топонимики» и «топонимика Урала»), даже если совокупность топонимического материала называть другим термином — «топонимия»¹, поскольку и в этом случае омонимичность в производных прилагательных не устраняется. В данной рецензии для обозначения науки употребляется термин «топономастика», «топономастический» и для обозначения материала — «топонимика», «топонимический».

Географические названия в зависимости от обозначаемых ими объектов делятся В. Шмилауэром на три группы: 1) названия территорий — частей света, областей, стран и т. д.; 2) названия селений и их частей (*místiní jména*); термин «топонимы» соединяется В. Шмилауэром только с этой группой географических названий; 3) названия мест, не являющихся селениями (*promístiní jména*). Среди последних различаются водные имена (гидронимы); имена различных элементов земной поверхности — гор, равнин, островов и т. д. (оронимы); имена участков — полей, пастбищ, лесных угодий и т. д. (микротопонимы); имена мелких природных объектов — скал, пещер; имена отдельных предметов — курганов, могил, деревьев и др.; названия путей.

Автор справедливо указывает на несовершенство распространенного деления географических объектов на природные и культурные, т. е. возникшие в результате деятельности человека. Практически не всегда удается различить, например, природные и посаженные человеком леса, природные и искусственные озера и т. д.

Подобное замечание можно, впрочем, адресовать и предлагаемому самим В. Шмилауэром (стр. 9) делению названий географических объектов на прямые, или первичные (*Židova strouha*) и не прямые, или вторичные (поле *Za Židovou*

1 Ср. сб. «Географические названия» М., 1962, стр. 4.

strouhou). Распространенные микротопонимы типа укр. *Коло лісу* (название поля) структурно должны быть отнесены к вторичным названиям, однако они образованы от нарицательных слов, а не от первичных топонимов. Еще менее четким данное деление становится на морфологическом уровне. Например, гидроним Пантинец, имя притока р. Пантин, нужно отнести к вторичным названиям, так как он образован от другого гидронима. Однако этот гидроним вряд ли можно признать непрямым: он, собственно, прямо называет объект, уже безотносительно к другому объекту. С другой стороны, названия типа Замогила, Заставна можно определить как не прямые, поскольку они обозначают объект с помощью указания на другой объект. Но эти названия не являются вторичными (в том понимании, которое вкладывает в это слово В. Шмилауэр): они образованы не от топонимов. Терминами «первичные» и «вторичные» названия удобнее характеризовать не отношение одних географических названий к другим географическим названиям, а отношение географических названий ко всем вообще исходным словам (как это делает С. Роспонд²).

Во втором разделе характеризуются источники топонимического материала и отчасти способы извлечения последнего из этих источников. Различается исторический, географический и диалектный материал.

Наиболее подробно рассмотрен вопрос о топонимике в исторических памятниках (стр. 28—46). Здесь речь идет об оценке достоверности полученного материала, о важности идентификации (локализации) топонимов, добытых из письменных памятников, о строении исторических топонимических словарей. В. Шмилауэр описывает некоторые такие словари и близкие к ним работы, в частности замечательный словарь чешской топонимики А. Профоуса.

Не только чешских топономастов заинтересует и краткое, но содержательное описание наиболее важных с топономастической точки зрения чешских

2 S. Rospond, *Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna slowianskich nazw geograficznych*, Wroclaw, 1957, стр 34, 42.

памятников. Автор совершенно справедливо отмечает, что самые древние записи топонимов не обязательно оказываются самыми существенными, нередко именно более поздние записи позволяют лучше понять имя.

Географическими источниками чешских топонимов являются многочисленные карты, начиная от карты Птолемея, а также атласы, географические труды, словари. Географические источники, собственно, сами являются историческими памятниками. Однако разграничение этих двух групп источников целесообразно. Географические источники отличаются от негеографических (исторических) не только по форме, но и по существу: в них топонимы в какой-то мере являются целью, а не условием описания и поэтому привлекают специальное внимание автора карты, словаря и т. д. Вместе с тем старые географические источники, особенно касающиеся обширных территорий, содержат больше искаженного, недоброкачественного, собранного понаслышке материала, чем старые исторические памятники.

Достаточное внимание уделяется также диалектному (народному) топонимическому материалу (стр. 51—54). Существенность его, однако, признается в общем только для микротопонимики (*tratována jména*). Вряд ли такое ограничение правомерно, как и излишне скептическая оценка народных топонимических легенд (стр. 188). Не все такие легенды — басни. Многие из них содержат зерно истины, хотя обычно с искажениями и вторичными наслоениями. Помимо этого, изучение понимания местными жителями географических названий важно для топонимастики независимо от истинности такого понимания.

Выделение микротопонимики целесообразно, но не потому, что она наиболее важна, а потому, что она наименее устойчива.

Третий раздел, занимающий центральное место в книге В. Шмилауэра, посвящен различным вопросам лингвистической интерпретации топонимических названий. Автор правильно подчеркивает, что необходимо зафиксировать все без исключения варианты географического имени. Каждый

вариант имеет свою мотивацию, помогает лучше понять анализируемое имя, его происхождение и развитие. Особое внимание уделено вариантам диахроническим, разновременным (стр. 56—57). Что касается синхронических, одновременно существующих разных вариантов одного имени, то здесь различаются только диалектные и книжные формы (стр. 58—60). А ведь синхроническая вариантность топонимики этим не исчерпывается. И в книжных, и в народных топонимических названиях важно различать разноязычные варианты. Кроме этого, народные варианты внутри одного языка нередко в свою очередь распадаются на несколько территориальных вариантов (имя одного и того же объекта в разных местностях имеет разные варианты) или возрастных вариантов (разные поколения, живущие одновременно, пользуются разными вариантами). По-видимому, более обстоятельная разработка учения о вариантах, особенно синхронических, и уточнение методики оценки разных вариантов значительно повысят достоверность топонимических выводов.

Довольно подробно рассмотрен вопрос об иноязычных географических названиях, включая проблему субстратной топонимики. В. Шмилауэр описывает и иллюстрирует удачно подобранными примерами фонетические, морфологические и семантические изменения заимствованных географических названий при вхождении их в топонимическую систему языка. При этом переводы топонимов типа нем. *Baumgarten* из чеш. *Sádek* неточно отнесены к явлениям семантических изменений (стр. 64—66). Причиной изменения здесь является как раз стремление сохранить семантику без изменений. Трансформации этимологического смысла заимствованных топонимов связаны преимущественно с народной этимологией. Заимствующий язык, за исключением отдельных фактов взаимодействия близкородственных языков, не может совместить план выражения с этимологическим смыслом заимствования. Поэтому сохраняется только один из этих двух элементов — либо этимологический смысл, и тогда план выражения меняется (перевод), либо план выражения, и тогда этимологический смысл устраняется или меняется

(деэтимологизация или народная этимология).

Далее автор характеризует различные уровни топонимического анализа— начиная от графического и кончая лексическим уровнем.

Для топонимиста, имеющего дело с памятниками, очень важно знать графические особенности текстов. Ведь существует множество чисто графических вариантов, не отражающих никаких языковых различий. В иных случаях графика, наоборот, скрывает языковую вариантность. Не всегда просто выявляются и самые тривиальные ошибки и опечатки. В. Шмилауэр приводит даже интересный пример, когда форма *Ůslava*, возникшая как результат ошибочного написания из *Uhlava*, вошла в обиход (стр. 82).

Основательное знание фонетических закономерностей является непременным условием топонимического исследования. Например, имя Прага по фонетическим условиям не может выводиться из **porgъ* «порог», хотя группа *tort* развилась в чешском в *trat*: польск. *Praga* в этом случае должно было бы представляться формой *Proga*, подобно **korva > krowa* (стр. 76). В. Шмилауэр описывает существенные для анализа чешской топонимии регулярные и нерегулярные фонетические изменения, приводя богатые иллюстрации из памятников.

Нужно отметить, что понятие фонетических изменений толкуется автором несколько расширенно. Сюда включены и изменения по аналогии — ассимиляция соседними часто употребляемыми именами (стр. 80), относящаяся по сути к морфологическому уровню, а также явления народной этимологии (стр. 81), которые вернее было бы рассматривать на лексическом уровне. Упомянутые изменения касаются больших единиц, нежели фонема, и, самое главное, они в той или иной степени затрагивают смысл названия, что не свойственно фонетическим изменениям.

Среди вопросов топонимического словообразования большое место отведено словообразовательной классификации топонимических названий. Помимо

классификаций С. Роспонда и В. В. Виноградова, излагается и собственная, очень подробная классификация В. Шмилауэра (стр. 86—88). По этой последней топонимические названия делятся на пять групп, являющихся, собственно, семантическими, а не словообразовательными: 1) образования от предметных названий (*Hora, Zaječiny*); 2) притяжательные образования от личных названий (*Zabidovo, Pavlovsko, Lichoceves*), 3) наименования жителей от личных названий (*Brzotice, Němčany*)', 4) иные наименования жителей (*Podhradice, Vysočany*);

5) различительные (*Dubecko* — на месте исчезнувшего селения *Dubček; Malý Bor*). Эти пять групп членятся далее уже по словообразовательным признакам.

Соединение словообразовательной классификации с семантической, к которому нередко стремятся топономасты, представляется принципиально неправомерным. В подобном соединении, каким бы удачным оно ни казалось, всегда присутствует старый грех топономастики — смешение разных языковых уровней. В результате закономерности разных уровней перепутываются, закономерности одного уровня воспринимаются как закономерности иного уровня и т. д.

По-видимому, для того чтобы оставаться внутренне непротиворечивой, классификация топонимов может быть либо только словообразовательной, либо только семантической (лексической). Словообразовательные средства топонимики имеют свою специализацию. Одни, например, выступают преимущественно в образованиях от личных имен, другие — в образованиях от названий предметов и т. д. Однако объем и колебания этой специализации трудно установить, если словообразовательные средства сразу же распределять по определенным сферам. Словообразовательная классификация не может начинаться с того, что должно быть одним из ее результатов.

Если при словообразовательной классификации нарицательных слов с их широчайшим смысловым диапазоном исходные семантические группы

(названия предметов, названия лиц, абстрактные названия и др.) могут находить известное оправдание,— хотя и здесь они, строго говоря, излишни,— то при классификации географических названий такие семантические группы по существу невозможны, так как весь классифицируемый материал входит в одну семантическую сферу, состоит из топонимов. Поэтому сторонникам соединения словообразования с семантикой приходится обращаться уже не к фактическому значению топонимов, а к их исходному, утерянному значению или же к значению слов, от которых они произведены.

Весьма существенны замечания В. Шмилауэра о распределении словообразовательных типов во времени и пространстве. Хронология словообразовательных типов вполне возможна, однако она не должна быть прямолинейной, выводы для одной страны нельзя, отмечает автор, механически переносить на другую страну (стр. 89). Изучение словообразовательных ареалов должно не только учитывать наличие или отсутствие какого-либо типа на данной территории, но опираться на статистические данные (стр. 90—91).

Не менее интересны содержащиеся в работе В. Шмилауэра сведения об отдельных словообразовательных типах и различных словообразовательных процессах. Важен, в частности, параграф об изменениях из-за неправильного понимания строения слова (стр. 99 — 101). Предлоги и артикли могут так сливаться с именем, что граница между ними перестает ощущаться. Примером могут служить противоположные процессы слияния служебных слов с именами — агглютинация (*Skopytce* из *s* + *Kopytce*) и отпадения начала имен, воспринимаемого как служебное слово, — декомпозиция (*Korotice* из *Skorotice*).

В параграфах, отведенных вопросам морфологии (стр. 102—109), обсуждается роль разных падежных форм географических названий, а также изменения числа и рода топонимов и т. д. Здесь, как и в ряде других мест своей работы, В. Шмилауэр правильно отмечает огромную важность косвенных падежей топонимов, особенно предложного (местного) падежа, который

нередко оказывается вместо им. падежа основной формой имени.

Вместе с тем немецкое усвоение чешских топонимов на *-ice* и *-any* в формах *-itz* и *-an* (стр. 104) вряд ли можно рассматривать как заимствование из формы род. падежа. Здесь, видимо, мы имеем дело с обычной при заимствованиях морфологической адаптацией, при которой флексия отбрасывается, а имени придается более приемлемый для заимствующего языка вид. На Буковине аналогичные топонимы в австро-венгерский период тоже получили формы на *-itz* и *-an*, причем австрийские чиновники исходили преимущественно не из украинских, а из румынских (молдавских) форм, в которых при склонении изменялся только артикль. Ср. укр. *Чернівці*, *Лужани*, рум. *Cernăuți*, *Lujeni* (молд. Чернэуць, Лужень), нем. *Czernowitz*, *Luzan*.

Среди лексических вопросов топониматики В. Шмилауэр особо выделяет вопрос о лексико-семантической классификации топонимов. Приводятся, без их оценки, классификации А. Баха, В. Ташицкого, И. Шимака, а также две классификации самого В. Шмилауэра — одна для названий селений (стр. 110—111) и другая для макротопонимики (стр. 112—115). Эта последняя особенно хороша своей подробностью и емкостью.

Обсуждается также интересный вопрос об удельном весе личных имен в топонимике. Приводимые цифры, которые получены разными исследователями и на разном по объему и языку материале (от 87% до 25%), свидетельствуют, что этот вопрос еще далек от своего разрешения.

Известный факт частого сохранения в топонимике нарицательных слов и личных имен, которые давно исчезли из общего языка, иллюстрируется в работе В. Шмилауэра убедительными, свежими примерами.

Закрывающая раздел обобщенная характеристика лингвистических методов изучения топонимики предостерегает топонимаста от безбрежного этимологизирования. Этимология должна соответствовать данным истории, топографии и психологии наименования и ни в коей мере не исчерпывать всего

топономастического исследования: не менее важным является изучение развития, вторичных изменений топонимики (стр. 120-121). К этому можно было бы присоединить еще одно принципиально существенное требование — о необходимости изучения отдельных топонимов в топонимической системе.

В четвертом разделе обобщены наблюдения над топонимическими реалиями — явлениями объективной действительности, которые отражены в географических названиях и поэтому должны изучаться под углом зрения топономастики. Основное внимание автор уделяет тем сведениям, которые могут быть получены из географических имен другими науками. Этот раздел хорошо раскрывает большие успехи современной топономастики.

Причины наименования, подчеркивает В. Шмплауэр, нельзя оценивать с современной точки зрения. Нужно учитывать ситуацию наименования и осведомленность наименователей. Например, *Velký chlum* (холм), высотой 463 м, ниже чем *Malý chlum* (488 м), однако он расположен ближе к селению, где родилось его имя, и поэтому кажется большим (стр. 123). В установлении таких причин неоценимую помощь топономасту оказывают география, геология и естествознание, которые в свою очередь получают от топономастики существенную информацию.

Излагая соответствующий материал, автор неоднократно подчеркивает, что какой-либо признак имеет тем больше шансов стать основой названия, чем менее (а не чем более) он характерен для данной местности. Именно такой признак обладает большей мерой отличительности, что и требуется для названия. Так, географические имена от слова *бук* часты там, где само растение встречается редко, образования от *ровный* в горной местности встречаются чаще, чем на равнинной и т. д. Этот важный вывод топономастики, к сожалению, не всегда учитывается исследователями.

Особенно плодотворным и взаимовыгодным оказывается сотрудничество топономастики с археологией и историей. Топонимические имена создает народ, поэтому он сам, его деятельность (а не естественное окружение) и

отражаются прежде всего в этих именах. Изредка встречаются признаки схождения топонимических и археологических ареалов. Имена (например, Городище) могут служить указателями для археолога, производящего раскопки (стр. 132).

При изучении более поздних слоев топонимики топономастика чаще оказывается берущей, а не дающей стороной. Однако и здесь, как свидетельствует собранный В. Шмилауэром материал, история находит много интересного для себя в вопросах общественного устройства, развития хозяйства и культуры.

Пятый раздел, посвященный жизни имен, отчасти подытоживает высказанное в предшествующих разделах. Интересна составленная автором сводка о количествах географических имен в разных странах: в Норвегии — 5 млн., в Швеции — 5-10 млн., во Франции — 5-6 млн. и т. д. Приводимые цифры, разумеется, весьма приблизительны, поскольку еще ни одна страна не имеет полного перечня своих топонимов.

Рассмотрены также вопросы о путях появления имен («психология наименования»), о средствах наименования, об изменении топонимического значения имен и т. д. Подробно обсуждена важная для топономастики проблема перенесения топонимических имен, что чаще всего свидетельствует о колониционных движениях, а также проблема устойчивости топонимических имен и переименований.

Связь между разными топонимическими названиями признается (стр. 156-158) по сути только для «планируемых наименований» (например, восточнославянские имена городов на *-град*), хотя в действительности подобная связь представлена значительно шире, возникая также в развитии, схождении изначально различных наименований.

Закрывающий книгу В. Шмилауэра шестой раздел суммирует взгляды автора на задачи, пути и трудности топономастического исследования.

Серьезной опасностью для топономаста, отмечает В. Шмилауэр, является стремление извлечь из топонима больше информации, чем там ее содержится (стр. 180), а также тенденция добыть именно ту информацию, какую хочется получить, найти во что бы то ни стало подтверждение заранее заданных положений (стр. 185-187).

Пример, иллюстрирующий последнюю мысль, видимо, неудачен: речь идет об отнесении А. И. Соболевским «несомненно славянской» Десны к иранским именам (стр. 186). Однако, хотя сформулированная А. А. Шахматовым гипотеза о славянском происхождении имени Десна ныне устарела, мысль о вредности мономании в топономастике весьма актуальна.

Автор говорит также о дилетантизме в топономастике, о вредности устремлений произвести всю топонимику своей страны из своего языка и подчеркивает большое значение действительно научного анализа географических названий.

Ю. А. Карпенко